

Попов Фёдор Алексеевич

ОБРАЗОВАНИЕ ЗЕМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПРИМОРЬЯ (ЯНВАРЬ-АПРЕЛЬ 1920 Г.)

Статья посвящена процессу трансформации Приморской областной земской управы из муниципального учреждения в региональное правительство после падения режима адмирала А. В. Колчака на Дальнем Востоке России. Автор даёт периодизацию приморской государственности и анализирует первый этап деятельности правительства земской управы, длившийся с января по апрель 1920 г. Выявлены политико-правовые дефекты, приведшие позднее к ликвидации приморского государственного образования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/9/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(71) С. 170-175. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Статья посвящена процессу трансформации Приморской областной земской управы из муниципального учреждения в региональное правительство после падения режима адмирала А. В. Колчака на Дальнем Востоке России. Автор даёт периодизацию приморской государственности и анализирует первый этап деятельности правительства земской управы, длившийся с января по апрель 1920 г. Выявлены политико-правовые дефекты, приведшие позднее к ликвидации приморского государственного образования.

Ключевые слова и фразы: государственное строительство; Дальний Восток России; гражданская война; социализм; земство; местное самоуправление; эсеры.

Попов Фёдор Алексеевич

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
porovf1992@mail.ru*

ОБРАЗОВАНИЕ ЗЕМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПРИМОРЬЯ (ЯНВАРЬ-АПРЕЛЬ 1920 Г.)

Крушение режима адмирала А. В. Колчака в конце 1919 г. способствовало усилению амбиций земских органов самоуправления. Присутствие в земствах представителей правосоциалистической оппозиции, в особенности социалистов-революционеров, делало крайне популярной идею о строительстве сибирской государственности на основе «низовых» административных органов, в противовес единоличному диктаторскому правлению, возводившему государство «сверху». Многие работники земских собраний, совмещая свою хозяйственно-административную деятельность с членством в эсеровской партии, видели себя потенциальной «третьей силой», которая в опоре на уставшее от гражданской войны крестьянство станет перспективной альтернативой двум видам авторитаризма: большевистскому и консервативному [6, с. 513-514].

На Дальнем Востоке (в т.ч. в Приморье) к началу 1920 г. колчаковский режим был представлен главным начальником Приамурского края генералом С. Н. Розановым. При администрировании на вверенной ему Верховным Правителем территории Розанов полагался в основном на войска Приамурского военного округа и лояльное властям казачество, которое в августе 1919 г., при согласии Розанова, объединилось (в лице забайкальского, амурского и уссурийского казачьих войск) вокруг атамана Г. М. Семёнова [16]. Чересчур частое и грубое применение военной силы в итоге привело к полной дискредитации розановской системы управления, и 31 января 1920 г. этот режим был свергнут, не оказав восставшим почти никакого сопротивления. Следует отметить, что важную роль в дискредитации белой государственности на Дальнем Востоке сыграла иностранная интервенция, борьба с которой вошла в число основных лозунгов левых партий.

После того, как должностные лица колчаковского режима утратили контроль над происходящим в Приморье, леводемократическая общественность региона приняла власть в свои руки, действуя через Приморскую областную земскую управу [13, с. 218-221]. На базе приморского земства было избрано Временное правительство, что стало первым в российской истории случаем присвоения правительственных функций земской организацией. Временное правительство Приморской областной земской управы, имея центр в Приморье, претендовало на всю дальневосточную окраину, что неизбежно сталкивало его с большевиками. Вместе с тем Временное правительство неоднократно заявляло об отсутствии у него намерений начинать антибольшевистскую борьбу. Более того, прилагательное «Временное» в названии правительства делало его заложником собственной риторики о «защите русских национальных интересов», на волне которой земцы пришли к власти в конце января 1920 г. Слова о «сохранении Дальнего Востока за Россией», неоднократно произносимые официальными лицами владивостокского режима, логически подводили приморскую демократическую государственность к самоликвидации, к вхождению в состав «красной России», РСФСР, и только заинтересованность самих большевиков в «демократическом буфере» замедляла развитие событий.

Итак, на чрезвычайном заседании 31 января 1920 г. городская дума подтвердила итоги переворота и постановила признать областное земство «временным органом государственного управления» [1]. Государственно-правовые взгляды приморского земства отображает постановление Приморской областной земской управы от 31 января «О временном принятии Областной Земской Управой, в целях восстановления правопорядка, всей полноты власти в пределах Приморской области» [Там же]. Авторы постановления указывали на имевшее место при Розанове гонения на земство, в частности, на арест членов управы А. С. Меньщикова и С. Афанасьева и попытку ареста других общественных деятелей. Перечислялись факты нарушения белым режимом основных принципов «народоправства» на предшествующих этапах Гражданской войны: «разгон» Сибирской областной думы, арест Всероссийской Директории, милитаризация гражданского управления и т.д. Особо оговаривалось свёртывание прав и свобод местного самоуправления, полученных теми по итогам Февральской революции: приостановка выборов в земства, восстановления «старорежимных» военно-административных должностей (например, генерал-губернаторов в лице управляющих и начальников края), изъятие милиции из ведения земств и городов, конфискация земских сборов и т.д. Принимая на себя всю полноту государственной власти в пределах Приморской области, областная земская управа обязывалась способствовать скорейшему прекращению гражданской войны – именно в этом она видела свою основную задачу, которая совпадала с настроениями подавляющего большинства населения. Уставшее от тягот междоусобной войны, оскорблённое вмешательством иностранцев (японцев, американцев, чехословаков и т.д.) в русские дела, общество живо откликнулось на заявленную Приморской областной земской управой программу государственного строительства.

Данная программа была в доходчивой форме конкретизирована в «Обращении Приморской Областной Земской Управы к населению области», сделанном в тот же день, 31 января 1920 г. Демократическая риторика обращения была дополнена патриотической: павшая власть обвинялась как в терроре против легитимных органов самоуправления, так и в предательстве национальных интересов России. Апелляция социалистических партий к российскому патриотизму отвечала возобладавшей в крае тенденции на объединение всех частей Дальнего Востока и Сибири под одной «всероссийской» властью, пусть даже и под властью большевиков. Учитывая неожиданно возникший вокруг большевиков ореол «собирателей земли русской», приморские правые социалисты отказались от борьбы против РСФСР и изъявили желание сотрудничать с Москвой, несмотря на то, что перед их глазами был пример скоротечной замены «однородного социалистического» правительства Политцентра в Иркутске большевистским Военно-Революционным Комитетом [13, с. 201-217]. Обращение подтверждало главную задачу новой власти – «скорейшее прекращение гражданской войны и установление мира и порядка среди населения как лучшее средство к защите национальных интересов русского народа» – и перечисляло мероприятия, направленные к достижению этой цели. Среди них: 1) освобождение политических заключённых; 2) упразднение остатков колчаковской администрации; 3) восстановление свободы слова, собраний, союзов, стачек и других политических и гражданских свобод; 4) установление общественного контроля над всеми отраслями торговли и промышленности; 5) преодоление продовольственного кризиса совместными усилиями самоуправлений и кооперативного движения; 6) нормирование заработной платы рабочим и служащим как на частных, так и на общественных и государственных предприятиях, приведение её в соответствие с «дороговизной жизни» с помощью специальных тарифных комиссий, состоящих из рабочих и чиновников; 7) восстановление земельных комитетов; 8) удовлетворение нужд населения в сферах здравоохранения, образования, сельского хозяйства и т.д. Свои внешнеполитические задачи Приморская областная земская управа видела в максимально скором выводе интервенционных войск. Население области призывалось управой «проникнуться сознание всей важности и ответственности переживаемого момента в общих интересах Родины и, в дружном единении с избранными органами самоуправления, напрячь все силы к скорейшему восстановлению правопорядка и нормальной хозяйственной жизни, с твердой верой в Единую Великую Свободную Россию» [1, с. 2]. Заключительные слова обращения красноречиво свидетельствуют об усвоении патриотической риторики колчаковского режима его противниками – дальневосточными социалистами, которые, используя недовольство иностранным вмешательством, заявили о себе как о демократической и национальной альтернативе, пришедшей на смену зависящей от иностранцев «реакции».

Невзирая на стремление авторов обращения найти консенсус для объединения всех демократических сил Приморья, прийти к «общему знаменателю» так и не удалось. Пункт обращения, гласящий об установлении общественного контроля над местной торговлей и промышленностью, хоть и объяснялся внешне благообразным желанием властей «охранить от расхищения народное и национальное достояние», предоставлял большой простор для манипуляций и ставил под угрозу принцип частной собственности. В результате ставилась под сомнение поддержка Приморской областной земской управы со стороны торгово-промышленников, располагавших большими финансовыми средствами, а следовательно, и политическим влиянием. Торгово-промышленный класс Дальнего Востока, боявшийся пасть жертвой социалистических экспериментов, в дальнейшем станет наиболее опасным врагом новорождённой приморской земской государственности. Противоположное поведение продемонстрировали кооператоры, которые имели устоявшуюся традицию взаимоотношений с эсерами и, помимо этого, пользовались показным расположением советской власти [6, с. 508-509]. Кооперативное движение поддержало программу областной управы и стало важной компонентой нового строя, призванной напоминать о его «буржуазности».

Постановлением «Об организации центральных органов государственного управления» 2 февраля 1920 г. учреждалось 11 отраслевых отделов (в обиходе называемых «ведомствами» и «министерствами»): Военный совет по делам и учреждениям военного ведомства, управление иностранными делами, управление внутренними делами, управление делами государственных финансов, управление делами торговли и промышленности, управление делами юстиции, управление делами труда, управление делами земледелия и государственных имуществ, управление делами путей сообщения, управление по делам снабжения и продовольствия, управление делами государственного контроля. Ввиду первоначальной нехватки кадров в первые дни существования нового правительства портфели были распределены между четырьмя земскими деятелями. Председателем управы стал эсер А. С. Медведев, которому также поручалось общее руководство Военным советом, управлениями иностранными делами, юстиции и делами путей сообщения. А. А. Меньщиков возглавил управления делами государственных финансов, делами торговли и промышленности и делами снабжения и продовольствия. Руководство управлениями делами труда и делами земледелия и государственных имуществ взял на себя С. И. Афанасьев. Во главе управления внутренними делами был поставлен П. П. Попов [1].

Сразу дала о себе знать двойственность, присущая правовой репрезентации Приморской областной земской управы: с одной стороны, она позиционировала себя органом местного самоуправления и демонстративно защищалась от обвинений в «самостийничестве», с другой – присвоив себе наименование «Временного правительства Дальнего Востока», правосоциалистическое земство претендовало на управление всей дальневосточной окраиной и тем самым вступало в противоборство с двумя другими моделями устройства региона: советской и белой (консервативно-авторитарная модель после ареста и гибели Колчака сохранилась в Забайкалье при атамане Семёнове, которому Верховный Правитель передал власть в своём указе от 4 января 1920 г.). Вовлечь в сферу своего влияния Северный Сахалин и Камчатку приморское правительство попытается лишь летом 1920 г. По сообщению русской токийской газеты «Дело России», после оккупации российской части Сахалина японскими войсками туда прибыли эмиссары Временного правительства,

которые, однако, не встретили поддержки у русских органов самоуправления и вскоре вынуждены были покинуть остров [12, с. 197]. Следует сказать, что прояпонские настроения русской сахалинской общественности были обусловлены «николаевским инцидентом» – уничтожением в марте 1920 г. красными партизанами уездного центра Сахалинской области города Николаевска-на-Амуре; бездействие владивостокских властей и партийная принадлежность некоторых виновников трагедии, например начальницы партизанского штаба Нины Лебедевой, к партии эсеров-максималистов не способствовали симпатиям сахалинцев к «эсеровскому» правительству А. С. Медведева. Иначе выстраивались отношения между Приморьем и Камчаткой. Камчатский облвоенревком, возникший после ликвидации на полуострове колчаковской администрации, вначале отказался признавать власть земской управы и в телеграмме от 27 февраля даже назвал её политику «соглашательской». Тем не менее последующие события, в частности занятие японцами Северного Сахалина, заставят местных коммунистов усомниться в целесообразности форсированной советизации Камчатки. Итогом переговоров между Камчатским областным Советом и Временным правительством стало признание 23 мая 1920 г. приморского суверенитета над Камчаткой. В административной плоскости это означало переименование областного Совета в областной исполнительный комитет Временного правительства Дальнего Востока, а уездных, волостных и сельских Советов, соответственно, в уездные, волостные и сельские исполнительные комитеты [18, с. 49-50]. На заседании созданного к тому моменту Временного Народного собрания Дальнего Востока 21 июля было зачитано приветствие камчатского исполкома, подписанное председателем исполкома И. Е. Лариным и товарищем председателя Олениным. В нём Временное правительство признавалось «единственным хозяином дальневосточной окраины», от которого население Камчатки ожидало защиты своих интересов перед иностранными державами [11]. Важно отметить, что подобное расширение (или попытки расширения) юрисдикции владивостокского правительства было связано со стремлением «демократизировать» Приморье после акта японской агрессии 4-5 апреля, когда невозможность скорого вхождения области в состав РСФСР стала очевидна. В начальный же период складывания приморской земской государственности (с 31 января по 4 апреля 1920 г.) и среди камчатских, и среди сахалинских революционеров (не только большевиков, но и левых эсеров) господствовало стремление присоединить занятые ими территории напрямую к РСФСР, а не к каким-либо «буржуазным» буферам.

Механизм складывания социалистической государственности Приморья не происходил одномоментно. Он заключался в том, что стихийно возникающие по всему краю военно-революционные штабы делегировали властные полномочия Приморской областной земской управе. Трансформацию чрезвычайных структур «революционной демократии» можно отследить на примере второго по величине города Приморья после Владивостока – Никольска-Уссурийского, Военно-революционный штаб которого самораспустился 19 февраля 1920 г., передав свои дела городскому самоуправлению. В резолюции, посвящённой этому решению, говорилось, что никольский ревштаб был создан из представителей партий и партизанских отрядов для свержения в городе «старого порядка» и подготовки объединения с Советской Россией. Всё это время ревштаб действовал как высший военный и административный орган. Дальнейшее его существование повлекло бы за собой конфликт между ним и земскими чиновниками из Владивостока, и т.к. работа Приморской областной земской управы тем временем нормализовалась, то никольские революционеры приняли решение упразднить потерявший актуальность ревштаб. Полномочия ревштаба передавались городским и земским самоуправлениям. Изданные постановления, приказы и распоряжения ревштаба были оставлены в силе до их пересмотра или отмены компетентными органами власти [2]. Грядущие события покажут преждевременность надежд на мирное вхождение Приморья в РСФСР.

Конструирование молодой государственности Приморья осуществлялось «снизу вверх», первенствующая роль в нём принадлежала местному самоуправлению, которое «брало реванш» за ущемления земств при диктатуре Верховного Правителя. В интервью газете «Голос Родины» управляющий внутренними делами П. П. Попов заявлял, что «органы самоуправления – организации трудового народа расправляют свои спутанные члены» [7, с. 4]. Рассказывая о структуре возглавляемого им управления, Попов осветил вопрос трансформации отделов земства в органы государственной исполнительной власти. Так, управление внутренними делами формировалось путём ликвидационной обработки бывшего управления областью и отчасти краевой гражданской канцелярии. «Большинство функций по управлению областью, – пояснял Попов, – переходит в отделы земства, из которого они были незаконно вырваны колчаковской реакционной властью, последовательно стремившейся к умалению прав и компетенции самоуправлений» [Там же].

Одновременно с созданием отделов был учреждён Юридический совет, в чьи функции входило предварительное обсуждение и разработка мероприятий административного и законодательного характера вкрупне с предоставлением заключений по делам государственного управления. В состав Юридического совета вошли Н. И. Дмитраш, И. Е. Манаев, А. А. Шишлянников, Е. И. Галка, полномочия председателя были возложены на Ф. Е. Манаева. Все члены данного совета были опытными правоведами с многолетним стажем юридической службы [1].

5 февраля постановлением Временного правительства учреждался Финансово-экономический совет. Цель этого органа государственной власти заключалась в координации усилий правительственных учреждений в хозяйственно-экономической и финансовой сферах жизни Приморья. Постановления совета делились на законодательные и административные, и если первые должны были выноситься на утверждение Приморской областной земской управы, то вторые приводились в исполнение через члена управы, ответственного за конкретный отдел. За этим же членом управы, однако, сохранялось право приостановить действие принятого советом постановления. В случае приостановки по инициативе члена управы, административное постановление в срочном порядке рассматривалось областной земской управой. Деятельность Финансово-экономического

совета затрагивала работу четырёх отделов: государственных финансов, труда, торговли и промышленности, снабжения и продовольствия. Именно в этом совете концентрировались большевистские кадры, вошедшие во Временное правительство [19, с. 114]. Председательство в Финансово-экономическом совете осуществлял большевик П. М. Никифоров, который, частично приспособившись к «буржуазной» риторике, старался ускорить вхождение Приморья в состав Советского государства. По словам управляющего отделом торговли и промышленности коммуниста Леонова, «Экономический Совет... вобрав в себя наиболее активных представителей партии и классов, давал тон всей политике Приморья, а группа коммунистов давала тон Совету и в решении всех важных вопросов всегда и неизменно собирала большинство» [15, с. 302].

Угроза со стороны интервенционных, в первую очередь японских, войск и белых русских отрядов заставила правительство тщательно заняться вопросами обороны. Для этого был создан Военный совет по делам и учреждениям военного ведомства. С него начинается перечень новообразованных отделов в постановлении земской управы «Об организации центральных органов государственного управления». Только хорошо дисциплинированная и обеспеченная всем необходимым армия могла защитить «завоевания революции» в Приморье – так мыслили пришедшие к власти социалисты. Полномочия Военного совета были зафиксированы в «Положении о военном совете по делам и учреждениям военного ведомства», утверждённом 7 февраля 1920 г. [1]. Согласно Положению совету подчинялись все сухопутные и военно-морские силы Временного правительства. Кроме того, совет занимался разработкой нормативно-правовых актов, утверждать или отклонять которые должно было правительство. Кресло председателя Военного совета принадлежало главе кабинета – А. С. Медведеву. Командование вооружёнными силами Приморской областной земской управы приняли идейные сторонники «демократической революции», намеревавшиеся привить войскам «революционный дух» или, иначе говоря, вернуться к военному законодательству Всероссийского Временного правительства 1917 г. Главнокомандующим был назначен полковник А. А. Краковецкий, эсер и решительный противник интервенции, в 1918 г. возглавлявший военное министерство Временного правительства автономной Сибири. Конкуренцию эсерам в борьбе за влияние на армию составляли большевики, которые возглавляли созданный при Военном совете политотдел. В дальнейшем состав Военного совета пополнили большевики С. Г. Лазо, В. М. Сибирцев, А. Н. Луцкий и Б. Н. Мельников, что закрепило контроль коммунистической партии над войсками Временного правительства [19, с. 115].

Члены земской управы желали видеть революционную армию по-настоящему боеспособной и дисциплинированной и поэтому решились на создание военно-революционных полевых судов. Нормативно-правовой базой их функционирования стал приказ командующего всеми вооружёнными и морскими силами Временного правительства А. А. Краковецкого «О военно-революционных судах» от 29 февраля 1920 г. [9]. Приказ был утверждён в Военном совете и представлял собой типичный образец военного правотворчества в кризисных условиях Гражданской войны. Сфера действия военно-революционных судов в пространстве простиралась на районы театра военных действий и местности, находящиеся на военном положении, – именно там могли учреждаться суды подобного рода. Для создания военно-революционного суда требовалось распоряжение полкового или высшего в порядке подчинённости уполномоченного Военного совета. В отдельных случаях, например при отсутствии связи с отрядом, решение о создании суда мог принять и нижестоящий уполномоченный.

Апогеем хозяйничанья просоветских элементов в государственных структурах Временного правительства стала трагедия на реке Хор в апреле 1920 г. В ходе этих событий большевистскими партизанами, при попустительстве Военного совета, было замучено 87 белых военнопленных, преимущественно офицеров [4]. Таково было логическое завершение той кампании по преследованию «реакционеров» (т.е. лиц с правыми взглядами), которую развернуло Временное правительство с момента своего прихода к власти в Приморье.

Чтобы ускорить претворение в жизнь декларированных в обращении 31 января государственных задач, Временное правительство разослало телеграмму с инструкциями в Хабаровск, Иман, Никольск-Уссурийский и Хорол. Продовольственное обеспечение на местах переходило от агентов свергнутого режима к земским и городским управам. При регулировании продовольственной политики следовало руководствоваться «законами 1917 года» и актами Управления по делам снабжения и продовольствия. Земским управам предписывалось дополнять свою структуру земельными отделами [8]. Милиция передавалась в ведение местного самоуправления на основании постановления Всероссийского Временного правительства от 17 апреля 1917 г. «Об учреждении милиции». Права управляющих уездами до реформирования этого института переходили к уездным земским управам [2].

Отдельную самостоятельную отрасль государственного управления составил Совет государственного контроля – высшее учреждение по делам контроля и высшая ревизионная инстанция на территории Временного правительства. Место данного органа власти в государственном устройстве земского Приморья было оговорено в «Положении о Совете Государственного Контроля при Временном Правительстве – Приморской Областной Земской Управе», утверждённом 13 марта 1920 г. [3]. Свою деятельность совет должен был осуществлять вплоть до «воссоединения с Центральной Российской Государственной властью» [Там же, с. 1] – подобного рода оговорки в целом характерны для законодательства земского государственного образования в Приморье, неизменно подчёркивавшего свой «временный», ситуативный характер. Совет издавал правила и ревизионные инструкции по ведомству государственного контроля, а в некоторых случаях и по другим ведомствам. Также он был наделён законодательной инициативой и мог вносить законопроекты на утверждение правительства, перед которым давал отчёт о своей деятельности. Будучи коллегиальным органом, Совет государственного контроля состоял из пяти лиц: председателя, секретаря и двух «непременных» членов совета. Председателем являлся представитель центрального бюро профессиональных союзов, товарищем председателя – представитель ревизионной комиссии приморского областного земства и секретарём –

представитель правительства. «Непременные» члены избирались из состава работников государственного контроля, один из них, в частности, управлял канцелярией совета. Непосредственная работа совета государственного контроля и подчинённых ему контрольных учреждений определялась специальным «наказом», выработанным самим советом и утверждённым правительством.

Первый этап складывания приморской государственности, таким образом, пришёлся на январь-апрель 1920 г. За этот период земская управа трансформировалась в орган высшей исполнительной власти. Было создано несколько коллегиальных учреждений – советов (Юридический, Финансово-экономический, Военный и некоторые другие), в которых легко узнаются прообразы министерств. На втором этапе государственного строительства в Приморье правительство заменил их на ведомства, объединённые в единый Совет управляющих ведомствами – коллегиальный орган, аналогичный кабинету министров [17, с. 40–41].

В апреле 1920 г. этот начальный этап будет оборван выступлением японских войск против армии Временного правительства, в ходе которого основная часть земских вооружённых сил окажется выведенной из строя (разоружённой либо уничтоженной). Это отрезвит приморскую власть от необоснованных иллюзий и заставит её встать на путь «демократизации» своего государственного аппарата. На первом же этапе формирования земской государственности демократические политико-правовые идеи приносились в жертву социалистическим (второй этап, длившийся с апреля по ноябрь 1920 г., охарактеризуется попытками придать Приморью атрибуты независимого государства, «демократизировать» его и сформировать коалицию между правыми социалистами, коммунистами и «цензовиками»), но всё это лишь для того, чтобы легитимировать конечное вхождение области, пусть и на правах автономии, в большевистский «буфер» – ДВР). Насилие и правовой нигилизм не исчезли из Приморья вслед за свержением Розанова, они просто-напросто получили «левую» идеологическую аранжировку вместо «правой». Частично это было связано с желанием части большевистского актива поскорее присоединить Приморье к РСФСР, частично – с инерцией гражданской войны, прекратить которую одними правительственными декларациями было невозможно. В дальнейшем порочный характер земской власти в период её становления подчёркивался даже официальными лицами государственного образования. Например, управляющий ведомством внутренних дел А. Н. Кругликов в зачитанном им перед финансово-бюджетной комиссией Народного Собрания докладе описывал первые месяцы работы правительства в весьма критическом тоне: «Временное правительство унаследовало от Розанова развал органов как правительственной власти на местах, так и обще-земского и городского самоуправления на почве гражданской войны. Словом, административный аппарат почти бездействовал. Исходя из предположения скорого воссоединения с советской Россией, налаживание этого аппарата началось с расчетом приспособить его к советскому режиму. Затем ход событий побудил изменить систему, приняв за основание строй, установленный при Керенском» [10, с. 2]. В связи с этим мнение Г. Я. Тригуба о том, что «в Приморье осуществлялось строительство буржуазно-демократического буферного государства, исходя из политико-правового опыта Февральской революции (1917 г.)» [18, с. 54], нуждается в уточнении: подобный опыт стал сознательно и планомерно выдвигаться на первый план лишь после провала форсированной советизации, сигналом к чему послужило японское вмешательство 4–5 апреля 1920 г. На областном совещании представителям земств и городов председатель земской управы А. С. Медведев признавался, что «после переворота и до 4 апреля... в населении были иные течения и земские управы были бессильны противостоять этим течениям» [5, с. 3]. Медведевым имелась в виду популярность идеи власти Советов, которая в первые месяцы после свержения Розанова составила серьёзную конкуренцию земской государственности. Остаётся лишь согласиться со взглядом ключевых деятелей Временного правительства и диагностировать у земской государственности в Приморье на раннем этапе её существования все симптомы революционного радикализма. Об этом свидетельствуют её кадровый состав (несмотря на преобладание эсеров в самой земской управе, Финансово-экономический и, главное, Военный совет испытывали засилье большевиков), стихийный характер её возникновения путём делегирования властных полномочий от ревштабов земствам и проникнутое пафосом «борьбы с реакцией» правотворчество. Стремясь приблизиться к советским образцам общественной жизни, приморские власти уделяли мало внимания своей репрезентации в региональном масштабе, что затрудняло превращение Владивостока в центр собирания областей Дальнего Востока России. Подобная неопределённость негативно отразилась на сложившемся в Приморье государственном образовании: японская интервенция помешала его интеграции в РСФСР, а слабохарактерность социалистического правительства так и не позволила ему приобрести атрибуты самостоятельного государства.

Список литературы

1. Вестник Временного правительства Приморской земской управы. Владивосток, 1920. 15 февраля.
2. Вестник Временного правительства Приморской земской управы. Владивосток, 1920. 3 марта.
3. Вестник Временного правительства Приморской земской управы. Владивосток, 1920. 18 марта.
4. Волков С. В. Массовое убийство большевиками военнопленных колчаковцев на реке Хор в апреле 1920 года // Донские казаки в борьбе с большевизмом: альманах. 2010. № 4. С. 105–110.
5. Воля. Владивосток, 1920. 24 августа.
6. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории, 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008. 672 с.
7. Голос Родины. Владивосток, 1920. 11 февраля.
8. Голос Родины. Владивосток, 1920. 18 февраля.
9. Голос Родины. Владивосток, 1920. 3 марта.
10. Голос Родины. Владивосток, 1920. 1 июля.
11. Голос Родины. Владивосток, 1920. 22 июля.

12. **Дацьшен В. Г.** Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920-1925 гг.) // Япония: ежегодник. 2014. № 43. С. 192-209.
13. **Кокоулин В. Г.** Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922): дисс. ... д.и.н. Кемерово, 2005. 476 с.
14. **Никифоров П. М.** Записки премьера ДВР. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 192 с.
15. **Руднев С. П.** При вечерних огнях: воспоминания. Харбин: Типография «Заря», 1928. 467 с.
16. **Савченко С. Н.** Примирие Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака и атамана Г. М. Семёнова весной 1919 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 13-19.
17. **Сонин В. Г.** Становление Дальневосточной республики (1920-1922). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1990. 347 с.
18. **Тригуб Г. Я.** Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь – декабрь 1920 г.) // Ойкумена. 2006. № 1. С. 44-54.
19. **Ципкин Ю. Н.** Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение. Хабаровск: ХКМ, 2012. 246 с.

FORMATION OF ZEMSTVO STATEHOOD IN PRIMORYE (JANUARY-APRIL, 1920)

Popov Fedor Alekseevich
Kutafin Moscow State Law University
popovf1992@mail.ru

The article is devoted to the process of transforming Primorye regional zemstvo council from the municipal institution into the regional government after the fall of Admiral A. V. Kolchak's regime at the Far East of Russia. The author proposes the periodization of the Primorye statehood and analyzes the first stage of zemstvo council's government activity which lasted from January till April, 1920. The paper identifies political and legal imperfections which lead to the liquidation of the Primorye governmental institution.

Key words and phrases: nation-building; Far East of Russia; civil war; socialism; zemstvo; local self-government; socialist revolutionaries.

УДК 18+167.7

Философские науки

В статье анализируются некоторые концепции «возвращения к Большой теории» и определяются их ключевые особенности. Для этого рассматриваются, какие аргументы против Большой теории выдвигались ее противниками, а также определяется, какие объяснения поворота к Большой теории предлагают его адепты и какие черты этого поворота можно выделить. В конце статьи автор делает вывод относительно возможностей существования Большой теории в эстетике.

Ключевые слова и фразы: большая теория; Ч. Р. Миллс; М. Ямпольский; К. Скиннер; эстетическая теория.

Радеев Артем Евгеньевич, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
artem_radeew@mail.ru

ПОВОРОТ К БОЛЬШОЙ ТЕОРИИ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ЭСТЕТИКЕ

Постановка проблемы

Более полувека назад американский социолог Ч. Р. Миллс ввел понятие Большой теории (в русском переводе иногда этот термин дается как «Высокая теория»), чтобы обозначить тот разрыв, который существует в гуманитарных науках между спекулятивными теориями и конкретными исследовательскими практиками. Нельзя сказать, что споры о том, насколько возможна и необходима Большая теория как обобщающая теория человека и общества, не велись прежде. Скорее, введенное Миллсом понятие было призвано заново обозначить такие проблемы, как разрыв между теорией, историей и практикой, соотношение целей теории и целей общества, границы применимости теории.

На протяжении XX в. все чаще встречаются утверждения, что эпоха Больших теорий действительно ушла в прошлое, что гуманитарные науки живут во времена «пост-теорий» и что никакие возвращения к идеям, претендующим на тотальность, уже невозможны. Однако в последние годы можно наблюдать и обратную тенденцию – призывы или, по крайней мере, упования на поворот и возвращение к Большой теории. Этот поворот совершается постепенно, в разных областях гуманитарного знания с разной степенью интенсивности.

В этой работе хотелось бы обратиться к тому, насколько возможен этот поворот в эстетической теории. Эстетика – относительно молодая ветвь философии, но это не мешает тому, чтобы процессы, затрагивающие гуманитарные науки в целом, нашли свое отражение и на ее облике.

Каким бы многообразным ни казалось поле современной эстетики, нельзя не признать двух противоречивых тенденций, разыгрываемых на этом поле. С одной стороны, все больше набирают обороты исторические исследования в форме переосмысления какой-либо классической проблемы или же в форме прослеживания